

Чагинский Андрей Александрович

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИКАЦИИ КНИГИ А. Ф. ЛОСЕВА "ДИАЛЕКТИКА МИФА" В КОНТЕКСТЕ ГОНЕНИЙ НА РЕЛИГИЮ В СССР В 1929-1931 ГОДАХ

Оригинальная философско-религиозная концепция А. Ф. Лосева, изложенная в труде "Диалектика мифа", заметно выделяется на фоне ранее изданных его работ. Парадоксальные формулировки, недомолвки и повторения, то и дело встречающиеся в тексте "Диалектики", с трудом поддаются анализу вне широкого исторического контекста, увязывающего научную деятельность автора с обстоятельствами его частной жизни и внутривластными процессами в СССР. В статье представлена попытка дать объяснение противоречивым событиям, связанным с выходом "Диалектики" из печати.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. I. С. 192-195. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

NEP DAILY ROUTINE OF VLADIKAVKAZ AND NORTH OSSETIA IN THE COVERAGE OF MODERN REGIONAL HISTORIOGRAPHY

Tsarikaev Alan Takhirovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania
Tsarikaev.A.T@yandex.ru

In the article the development of the modern North Ossetic historiography of NEP daily routine is analyzed. The author defines the research field of the considered topic and singles out the little-studies aspects of the manifestations of New Economic Policy daily routine in Vladikavkaz and the rural districts of the North-Ossetian Autonomous Region. Special attention is paid to the analysis of works, which reconstruct the specificity of the way of life of urban society.

Key words and phrases: leisure, historiography; NEP (New Economic Policy); NEP daily routine; regional; social deviances; hooliganism.

УДК 291.13

Философские науки

Оригинальная философско-религиозная концепция А. Ф. Лосева, изложенная в труде «Диалектика мифа», заметно выделяется на фоне ранее изданных его работ. Парадоксальные формулировки, недомолвки и повторения, то и дело встречающиеся в тексте «Диалектики», с трудом поддаются анализу вне широкого исторического контекста, увязывающего научную деятельность автора с обстоятельствами его частной жизни и внутривластными процессами в СССР. В статье представлена попытка дать объяснение противоречивым событиям, связанным с выходом «Диалектики» из печати.

Ключевые слова и фразы: миф; религия; диалектика; антицерковная пропаганда; советский марксизм.

Чагинский Андрей Александрович

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
meuhhol@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИКАЦИИ КНИГИ А. Ф. ЛОСЕВА «ДИАЛЕКТИКА МИФА» В КОНТЕКСТЕ ГОНЕНИЙ НА РЕЛИГИЮ В СССР В 1929-1931 ГОДАХ[©]

Философия Алексея Фёдоровича Лосева, и в особенности его философия религии, не вписывалась в официальный марксистско-ленинский дискурс первых десятилетий советской власти. Отчасти причиной тому было отсутствие взаимного интереса: властям диалектик-идеалист до поры не был ни потребен, ни опасен; Лосева же интересовала философия без примеси политики и идеологии. Хрупкое это «перемирие» было нарушено 18 апреля 1930 года, когда в первом часу ночи Лосев был арестован, его книги, рукописи и черновики изъяты, а комната и шкафы – опечатаны [13, с. 128]. Этому событию предшествовала непростая история, определённым образом повлиявшая не только на текст одной из самых известных работ автора, но и на русскую философию XX века в целом.

К 1930 году Лосевым были выпущены книги так называемого «первого восьмикнижия»: «Античный космос и современная наука», «Музыка как предмет логики», «Диалектика художественной формы» и «Философия имени» (1927); «Диалектика числа у Плотина» (1928); «Критика платонизма у Аристотеля» (1929); «Очерки античного символизма и мифологии», том 1 и «Диалектика мифа» (1930). Ещё две книги – «Вещь и имя» и «Николай Кузанский и средневековая диалектика» на момент ареста находились в печати и выйти не успели. Изданные небольшим – менее полутора тысяч экземпляров – тиражом на собственные средства автора [Там же, с. 86-87], эти работы были сразу же замечены за рубежом¹, но в Советской России оказались обделены вниманием. Восемь книг в целом составляют единый корпус сочинений, охватывающий широкий спектр вопросов, актуальных для гуманитарных дисциплин, но последняя, «Диалектика мифа», стоит особняком [15, с. 505-510]. Она содержит беспрецедентные по своей откровенности высказывания, касающиеся не только теоретических положений марксизма-ленинизма, но и реалий повседневной советской жизни. Более того, значительное количество вставок Лосев включает в уже прошедший цензуру текст книги, что впоследствии и послужит формальным поводом к аресту. Неудивительно и то, что сразу же после выхода «Диалектики» в свет первый тираж был конфискован, и переиздания появились лишь в начале девяностых годов прошлого века. Здесь не может не возникнуть ряд вопросов о том, чем были мотивированы и насколько были осознаны подобные нетривиальные действия автора.

[©] Чагинский А. А., 2015

¹ См. напр. рецензию на «Диалектику художественной формы» в еженедельнике «Евразия» [10, с. 6], см. также работу Д. Чижевского [17, с. 510-517].

За годы общения с советскими цензорами Лосев отточил владение своеобразным криптоязыком, позволявшим ему излагать свою мысль в несколько «слоёв», пряча её от недобрых глаз. «Диалектика» построена аналогичным образом: «В “Диалектике мифа” (1930) при внимательном чтении открываются три слоя: 1) апологетический, главный для автора – обоснование христианского мировоззрения, 2) аналитический – рассмотрение особенностей мифа как формы сознания, 3) полемический – разоблачение марксистской мифологии» [5, с. 591]. Кроме того, она содержит несколько дополнительных «защитных контуров». Так, автор постоянно меняет стиль изложения, переходя от почти художественного повествования к диалектическим конструкциям в стиле Гегеля – и вдруг нарочито вставляя провокативный сарказм типа: «вот до сих пор никак не могу себя убедить, что земля движется и что неба никакого нет» [9, с. 45]. Кроме того, Лосев последовательно дополняет и переформулирует ранее выдвинутые положения, что порождает большие группы на первый взгляд мало отличных друг от друга определений того или иного термина. Чтобы вычленив в них нечто общее, а также объяснить смысл проделываемых автором уточнений и преобразований и проявляющиеся в том или ином случае нюансы, требуются значительные усилия. Сами термины, используемые А. Ф. Лосевым, зачастую многозначны (например, *молитва* как обряд и как непосредственный акт богообщения), а порою и омонимичны (*личность* Бога и человеческая *личность*). Таким образом, текст книги в плане чисто техническом вполне приспособлен для прохождения цензуры – и он её прошёл, получив положительное заключение Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит) СССР. Цензором С. А. Басовым-Верхоянцевым указано, что автор – «совершенно чуждый марксизму (идеалист)», однако разрешение на публикацию всё же даётся, пусть и с формулировкой «только в интересах собирания и сбережения оттенков философской мысли» [13, с. 136]. Так неужели автор, выполнивший столь большую и сложную работу, не понимал, чем он рискует, когда делает вставки в уже разрешённый к публикации материал?

Или же то, что проделал А. Ф. Лосев с текстом своей давно задуманной книги, было сознательной и точно рассчитанной на определённую цель акцией? Представляется, что у нас есть основания предполагать последнее; их нам даёт анализ обстоятельств, связанных с публикацией «Диалектики».

Первое из этих обстоятельств – то, что подготовка «Диалектики мифа» к печати проходит на фоне обострения борьбы советской власти с религией. В январе 1929 года, 24 числа, Политбюро ЦК утвердило резолюцию «О мерах по усилению антирелигиозной работы», а уже 8 апреля Президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», закрепляющее в законодательстве, что религиозные общества вправе только заниматься удовлетворением религиозных потребностей верующих, и более ничем [12, с. 474]. Религиозные общества, не имея прав юридического лица, должны были пройти регистрацию в местных органах власти и получать от исполкомов разрешения: на пользование зданиями и церковным имуществом, на проведение собраний, на приём в общество новых членов. Организация кружков, студий, библиотек [Там же, с. 476] и касс взаимопомощи запрещалась, а жизнь прихода, по сути, ограничивалась только богослужениями. После выступления А. В. Луначарского на XIV Всероссийском съезде Советов РСФСР с призывом усилить борьбу «со всевозможными церквями и религиями» [16, с. 24] началась пропагандистская кампания; так, тиражи газеты «Безбожник» на одном только Урале возросли почти вдвое, а одноимённого журнала к 1930 году там было выпущено более 150 тысяч экземпляров [3, с. 40]. Внедрение новых форм образования включало открытие к осени 1929 года в окружных и областных центрах антирелигиозных факультетов, а также городских и районных курсов активистов-безбожников; в течение 1929 года Союз воинствующих безбожников посредством активной вербовки увеличился до 700 тысяч членов [18, с. 284]. По стране развернулась тщательно разработанная кампания по снятию церковных колоколов на лом [11, с. 242-244]. Увенчался же 1929 год тем, что православное Рождество было объявлено Днем индустриализации. Таким образом, на момент описываемых событий тема религии и религиозности была не просто в высшей степени актуальной, но являлась ареной яростной идеологической борьбы.

Второе обстоятельство – то, что в 1929 году вокруг Государственной Академии художественных наук (ГАХН) начинаются процессы, непосредственно затрагивающие самого А. Ф. Лосева. Первой ласточкой послужила статья «“Бессмертные” от мёртвых идей», опубликованная в «Комсомольской правде» в феврале 1929 года, в которой в ряду «реакционеров», «идеалистов шпетовской закваски» отнюдь не случайно упоминается и Лосев [2, с. 2]. Ближе к марту того же года была создана «Комиссия по обследованию» ГАХН во главе с историком партии Поповым, работавшая до конца мая и признавшая, что ГАХН «не представляет единого целого», что её сотрудники являются «дилетантами-любителями искусства», а исследованиям свойствен сильный уклон в сторону идеализма. В соответствии с выводами комиссии Академия должна была подвергнуться реорганизации, а её члены и научные сотрудники – проверке [8, с. 3]. Лосев в это время состоит на должности учёного секретаря группы по изучению музыкальной эстетики [13, с. 83], так что его – с учётом того, что фамилия уже объявлена в прессе, а позиция не раз озвучена на многочисленных докладах в ГАХНе – указанная проверка никак не могла миновать. Понятно, что в этих условиях «проверка» легко могла обернуться для А. Ф. Лосева арестом.

Третье обстоятельство – то, что материал, изложенный в «Диалектике мифа», весьма специфичен. Работа – через призму понятия «миф» – раскрывает связи, пронизывающие и объединяющие мир в «единонераздельную целостность» [14, с. 5]. Особая роль в этом объединении принадлежит религии, определяющей не только ценностную сферу личности, но и её образ мысли и характер действий.

Миф, мифология и мифология – степени меонизации смысла, естественные следствия организованности мироздания, вечного бытия Бога и сотворения мира *из ничего*. Связь религии и мифологии у Лосева очевидна –

религия местами прямо определяется через миф [9, с. 119, 121, 128], однако не вполне однозначна. И религия, и мифология суть самоутверждение личности, но мифология – утверждение своих действий и своих проявлений (открытий, подвигов, путешествий); в религии же отправная точка иная. «Религия есть, сказали мы, субстанциональное утверждение в вечности. Следовательно, она должна создавать такие формы, где бы это утверждение фактически происходило. Другими словами, сущность религии есть таинства... Таинства есть формы субстанционального утверждения личности как таковой в вечности» [Там же, с. 208]. Мифический герой, чтобы быть, должен совершать подвиги – тогда он закрепится в мифе и будет жив, пока его помнят; верующему достаточно простого участия в богослужении – ведь в таинстве его навечно запомнит Бог.

Именно религия задаёт посредством «мифического сознания» [Там же, с. 59] и через влияние на язык то понятийное пространство, в котором действуют наука, искусство и философия. Любой заметный процесс, будь он историческим, экономическим или социальным, любое влияние на жизнь отдельного человека или общества в целом при внимательном рассмотрении оказываются в своей основе явлениями чисто религиозного характера; и жизнь отдельного человека, и вся история человечества – священная история, история богообщения или богоотступничества.

Из особенности материала проистекает и специфика изложения; даже упомянутый выше криптоязык не в состоянии скрыть все острые углы. Формулировки, используемые Лосевым для иллюстрации своих положений, ярки до афористичности; в качестве иллюстрации можно привести выдержки из фрагмента доклада на XVI партийном съезде секретаря ЦК ВКП(б) Лазаря Кагановича, посвященного «обострению классово-вой борьбы и организации политической активности масс». Докладчик, до глубины души возмущенный тем, что «последняя книга этого реакционера и черносотенца под названием “Диалектика мифа”, разрешённая к печати Главлитом, является самой откровенной пропагандой наглейшего нашего классового врага», подтверждает свои слова цитатами из уже конфискованной на тот момент «Диалектики»: «”Диалектический материализм есть вопиющая нелепость”... “Сжигать людей на кострах красивее, чем расстреливать, так же как готика красивее и конкретнее новейших казарм, колокольный звон – автомобильных воплей и платонизм – материализма”... “Только монах один – не мещанин. Только монах понимает правильно и достаточно глубоко половую жизнь, и только он один знает глубину и красоту женской души”... » [7, с. 546]. Если бы в задачу Лосева входила именно и только публикация его труда, то после удивительно успешного прохождения книгой цензуры, он едва ли бы стал предпринимать действия, могущие привлечь к тексту внимание идеологов партии. Лосев же, как мы видим, поступает парадоксальным образом.

Четвёртое обстоятельство – то, что профессиональный уровень критиков и оппонентов А. Ф. Лосева высок. Его недоброжелатели – это не только партийные деятели, но и советские марксисты, получившие фундаментальное образование до революции и хорошо разбирающиеся в актуальных вопросах философии. Так, автор разгромной статьи «Об идеалистической философии после Октября» [1, с. 51-55] Баммель (Григорий Константинович Бажбеук-Меликов) ещё в 1926 году написал первую русскоязычную работу о трудах Макса Шелера, в которой подверг небезосновательной и продуманной критике его социальную философию и феноменологию религии. Советские «придворные» мыслители относились к Лосеву всерьёз – даже академик Абрам Моисеевич Деборин, сыгравший заметную роль в травле и аресте Лосева и испытывавший к нему личную неприязнь [13, с. 137], признавал за своим противником мастерство владения диалектикой. Со своей стороны, Лосев не менее ответственно подходил к этому противостоянию и специально изучал труды Маркса, Энгельса и Ленина [14, с. 13]. Неудивительно, что советская критика, не склонная к идейным компромиссам, работ Лосева до 1930 года словно бы и не замечает; да и после 30-го года ограничивается рассмотрением его идеологической позиции, а не его диалектики. Очевидно, критики понимали, с кем имеют дело, и не желали рисковать своим авторитетом, вступая в философский диспут. Лосев, таким образом, оказывается практически вне полемики; голос его в СССР – за пределами узкого круга таких же, как и он, «идеалистов» – не слышен.

С учётом изложенных четырёх обстоятельств ситуация нам видится следующим образом. Когда на государственном уровне началось обострение борьбы с религией, а сотрудников ГАХН ожидала чистка, Лосев уже имел ряд изданных малым тиражом работ, вполне оценённых русским зарубежьем [6, с. 212-222], но окружённых глухой стеной молчания в СССР. В случае весьма вероятного ареста Лосева его книги могли бы быть изъяты, и содержащиеся в них открытия навсегда канули бы в небытие. Ввиду такой перспективы А. Ф. Лосев, осознанно рискуя, идёт на открытую конфронтацию с властью и провоцирует скандал, внося правку в цензурированный текст.

Расчёт оказался верен: локальная история сотрудника Государственной Академии художественных наук получает всесоюзный масштаб: до 1932 года без малого два десятка статей и выступлений посвящены разгрому «идеалистической системы» Лосева; его труды клеймят на съездах и симпозиумах, его критикуют «Правда» и «Известия», и даже появляется рецензия на все вышедшие ранее из печати работы [4, с. 55-58]. Лосева цитируют, цитируют, цитируют – сохраняя на бумаге и в памяти бесценные фрагменты его работ. Более того, возможно, и кое-кто из противников или их сотрудников, как это было с Валентином Асмусом, работавшим с Дебориным [13, с. 137], погрузившись в материал и оценив его рациональное зерно, изменит позицию или хотя бы просто задумается. Главное – открытия не будут забыты. Важно также, что на фоне шквала антирелигиозной пропаганды, бушующего в стране, отрезвляюще прозвучит текст «Диалектики мифа», посвящённый исключительной роли религии и проводящий мысль о том, что социализм, по сути, тоже есть религия, неизбежная по форме.

Шаг, сделанный Лосевым, не имеет ничего общего с поиском скандальной известности для себя. Собственная судьба Лосева мало волновала; он беспокоился за труды, переживал, чтобы не погасли искры знания, высеченные титаническим трудом. Как античные герои, о которых он столько написал, Лосев вышел на освещенную солнцем арену, чтобы лицом к лицу встретить противника и дать свой последний бой – не ради славы и не в безумной надежде одолеть превосходящие силы врага, но ради торжества истины, как и подобает подлинному воину.

Волею судеб скандал пришёлся на момент, когда в недрах НКВД дали ход сфабрикованному делу о подрывной имяславческой организации – и на самом деле Лосев был арестован как идеолог имяславия. В ходе допросов, однако, выяснилось, что сам Лосев полагал причиной своего ареста нелегально сделанные вставки [14, с. 16], что служит подтверждением нашего предположения. Нам представляется важным сделать этот комментарий к биографии А. Ф. Лосева: ведь если бы не его личное мужество и честность перед лицом истины, картина отечественной философской мысли XX века могла бы быть совсем иной.

Список литературы

1. **Баммель Гр.** Об идеалистической философии после Октября // Под знаменем марксизма. 1930. № 5. С. 51-55.
2. **Бачелис И.** «Бессмертные» от мертвых идей. Академия Художественных Наук в плену у реакционеров. Требуем вмешательства пролетарской общественности // Комсомольская правда. 1929. 20 февраля.
3. **Булавин М. В.** Методы антирелигиозной пропаганды в деятельности Союза воинствующих безбожников на Среднем Урале // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5. Ч. 4. С. 36-42.
4. **Григорьев М.** Реакционная «диалектика». Эстетическая система Лосева // На литературном посту. 1930. № 19. С. 55-58.
5. **Гулыга А. В.** Абсолютная мифология (Лосев) // Алексей Фёдорович Лосев: из творческого наследия: современники о мыслителе / подгот. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкий. М.: Русский мир, 2007. С. 590-593.
6. **Ильин В. Н.** Шесть дней творения. Библия и наука о творении и происхождении мира. Париж: YMCA PRESS, 1930. С. 212-222.
7. **Каганович Л.** Организационный отчёт Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) // Алексей Фёдорович Лосев: из творческого наследия: современники о мыслителе / подгот. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкий. М.: Русский мир, 2007.
8. **Литературная газета.** 1929. 18 ноября.
9. **Лосев А. Ф.** Диалектика мифа / сост., подгот. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. М.: Мысль, 2001. 558 с.
10. **Сеземан В.** // Евразия: еженедельник по вопросам культуры и политики. Клармар, 1928. № 6.
11. **Слезин А. А.** Юридическая база и правоприменительная практика «антиколокольной кампании» конца 1920-х годов // Фундаментальные и прикладные исследования, инновационные технологии, профессиональное образование: сб. трудов XIV науч. конф. ТГТУ. Тамбов, 2009. С. 242-244.
12. **Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР.** М., 1929. № 35.
13. **Тахо-Годи А. А.** Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007. 534 с.
14. **Тахо-Годи А. А.** Философ должен всё понимать. «Диалектика мифа» и дополнение к ней // Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 5-30.
15. **Троицкий В. П.** Примечания // Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 504-545.
16. **XIV Всероссийский съезд Советов РСФСР.** М., 1929. Бюллетень № 12. 49 с.
17. **Чижевский Д.** Философские искания в современной России // Современные записки. Париж, 1928. № 37. С. 510-517.
18. **Ярославский Е.** Ленин, коммунизм и религия. М.: ОНТИ, 1933. 612 с.

SOME ASPECTS OF PUBLICATION OF A. F. LOSEV'S BOOK "THE DIALECTICS OF MYTH" IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS PERSECUTIONS IN THE USSR IN 1929-1931

Chaginskii Andrei Aleksandrovich
The Saint-Tikhon Orthodox University
mehuhol@gmail.com

An original philosophical-religious conception by A. F. Losev stated in his work "The Dialectics of Myth" stands out against the background of his previously published works. Paradoxical wordings, omissions and repetitions constantly found in the text of "The Dialectics" are difficultly analyzable out of broad historical context, which links the author's scientific activity with the circumstances of his private life and internal political processes in the USSR. In the article an attempt to explain controversial events associated with the appearance of the publication of "The Dialectics" is made.

Key words and phrases: myth; religion; dialectics; anti-religious propaganda; Soviet Marxism.